

УДК 8(47)82-3

ПАСХАЛЬНЫЙ РАССКАЗ В РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ

© 2010 г.

Т.Н. Козина

Пензенский государственный педагогический университет им. В.Г. Белинского

T.N.Coзина@yandex.ru

Поступила в редакцию 16.02.2010

Рассматривается становление жанра пасхального рассказа. Выдвигается предположение, что истоки вида – в гимнографии, притче, литургической драме. Называются основные признаки жанрового канона. Анализируются художественные тексты, способствующие выработке определенных универсалий исследуемой формы.

Ключевые слова: пасхальный рассказ, жанровые каноны, литургические формы, этнографическое исследование, духовное преображение.

По мнению литературоведа И.А. Есаулова, Слово «О Законе Моисеомъ даннѣмъ ему и о благодати и истинѣ Исусъ Христомъ бывшимъ... и похвала кагану нашему Владимиру» было произнесено первым русским митрополитом перед пасхальной утренней службой или в день Пасхи. В этом произведении автор развивает тему смены Ветхого Завета Новым при помощи символических сопоставлений, используя для этого образцы библейской истории.

Это произведение создаёт представление об авторе как о высокоодарённом писателе, выдающемся ораторе и публицисте. На наш взгляд, убедительным является утверждение профессора И.А. Есаулова, что эта пасхальная проповедь стала «одновременно и истоком русской словесности» [1, с. 8].

Религиозное сознание русского народа формировалось под влиянием Евангелия от Иоанна, открывающего весьма распространённое в России Евангелие – апракос. Оно использовалось во время церковных служб и представляло собой сборник отрывков (зачал), выстроенных не в библейской последовательности, а в порядке их чтения на богослужениях. Сейчас практика издания Евангелия-апракоса почти утрачена. В Евангелии от Иоанна нет сцен Рождества Христова, поэтому исторически сложилось так, что в России Пасха является главным православным праздником. Чтение Евангелия-апракоса начинается на пасхальной неделе и продолжается в течение пятидесяти дней, до Святой Троицы. Эти богослужения приходятся на начало активной общественной и семейной деятельности русских людей после долгой зимы.

В древности православные люди не помолвившись не начинали никакого дела. «Отправлялись ли в дорогу, строили ли дом, засеивали ли

поле – прежде всего шли в церковь помолиться» [2, с. 94], присутствуя на церковной службе, они постоянно слушали и чтение Евангелия. Поэтому многие русские люди, не умея читать или не имея священных текстов, знали содержание Евангелия. Всё поведение православных христиан было пронизано пасхальным ожиданием: «Сражаясь за Отечество, не боялись мученической смерти, будучи убеждены, что их души примут ангелы и отнесут в Царство вечного блаженства» [2, с. 94].

Глубинная укоренённость предпочтения Воскресения Христова перед Рождеством в России привела к появлению в литературе жанра пасхального рассказа. Вид определился не сразу. Исходными формами, на наш взгляд, стали литургическая поэзия, притча и литургическая драма. Жанры гимнографии (тропарь, канон, кондак) предназначались для коллективного церковного пения. Пасхальный рассказ аккумулирует отдельные черты указанных жанров: пафос, эмоциональный подъем – из гимнографии; динамичность, эффект присутствия – из литургической драмы; учительский пафос, дидактичность повествования – из притчи.

Укоренённость Пасхи в сознании русских людей как праздника праздников в числе первых осознал А.С. Хомяков. Благодаря исследованиям В.А. Кошелева, появилась возможность ознакомиться с текстом повести, заимствованной А.С. Хомяковым у Ч. Диккенса. Переводя на русский язык его «Рождественскую песнь в прозе», русский философ и публицист перерабатывает её в «Светлое Христово Воскресенье. Повесть для детей». Удовлетворяя потребности читателей в новом жанре, автор перенёс действие в Россию, дал героям русские имена, рассказал о пасхальных обычаях. Повесть была

напечатана в двух журналах, получила известность и надолго стала книгой для детского чтения. Но впоследствии А.С. Хомяков основательно переработал её, «наполнил серьёзным моралистическим смыслом» [3, с. 83], снял подзаголовок «Повесть для детей». По мнению В.А. Кошелева, русский текст является новым произведением, где представлен «рассказ об обстоятельствах странного перерождения в канун Воскресения Христова бездушного богача – приобретателя... На фантастические обстоятельства «воскресения» этого весьма неприятного героя наслаивается атмосфера праздника, столь чтимого в православном мире. Праздника, который ярче раскрывает истинные ценности человеческой жизни, когда добрее становится взгляд на окружающих, когда в центре оказывается семья, тихое домашнее счастье...» [3, с. 83].

Первое произведение, где обстоятельно сформулирована особая значимость Пасхи для русского человека – «Выбранные места из переписки с друзьями» Н.В. Гоголя. В нём писатель выступает как продолжатель святоотеческой традиции в русской литературе, религиозный мыслитель и публицист. «Выбранные места...» стали своеобразным лирико-философским эквивалентом второго тома «Мёртвых душ».

Специально для книги была написана глава «Светлое Воскресение», которую можно рассматривать как некий прообраз пасхального рассказа. Здесь выдвигается главный тезис рассуждения Н.В. Гоголя: «В русском человеке есть особенное участие к празднику Светлого Воскресения».

Пасхальное архетипическое сознание проходит через всю книгу: «Что есть много в коренной природе нашей, нами позабытой, близкого закону Христа, – доказательство тому уже то, что без меча пришёл к нам Христос, и приготовленная земля сердец наших призывала сама собой его слово, что есть уже начала братства Христова в самой нашей славянской природе, и побратанье людей было у нас родней даже и кровного братства...» [4, с. 419].

Читатель публицистической книги слышал авторский призыв к братскому единению, великодушью, состраданию, отказу от холодного рационализма, презрения к слабостям и несовершенствам друг друга, любви.

На становление жанра пасхального рассказа, несомненно, своё влияние оказали первые прозаические произведения, в которых описывались обычаи русского народа. Среди них – историко-этнографическое исследование «До-

машняя жизнь и нравы великорусского народа» Н.И. Костомарова. В нём автор особо отмечает стремление благочестивых людей проводить дни Светлого Воскресения «в делах милосердия... особенно кормили нищих, раздавали милостыню, посылали пособие заключённым» [5, с. 15].

В работе «Нечистая, неведомая и крестная сила» писатель-этнограф С.В. Максимов подробно рассказывает об артефактах Пасхи и об отношении к ним русских людей, например: «Пасхальная свеча имеет громадное значение для пастухов, у которых будет сохранено стадо, если в рожок закатан будет воск от этой свечи» [6, с. 463].

Традиции празднования Светлого Воскресения в сельских и городских семьях, сложившиеся в России в XIX – начале XX веков, воссозданы в художественно-мемуарных произведениях «Родное слово» К.Д. Ушинского, «Записки писателя» К.Д. Телешова, «Великий день» А.Л. Толстой, «Около церковных стен» В.В. Розанова, «Воспоминания» А.И. Цветаевой.

Художественно-мемуарные книги, этнографические исследования способствовали определению хронотопа пасхального рассказа. Его рамки фиксируются достаточно широко: от Прощеного воскресенья до Дня Святого Духа. Этот период включает в себя Чистый понедельник, Великий пост, Страстную неделю, Пасху, Светлую Седмицу, Вознесение Господне, День Святой Троицы. Писатели отмечают народную устремлённость к Пасхе как к избавлению человечества от зависимости греху на протяжении всего Великого поста: «...теперь питались одним кусочком хлеба с водою в день; мужья убежали жён; встречаясь друг с другом, знакомые напоминали один другому о христианском житье и посте, в ожидании светлого праздника» [7, с. 14].

Комплекс структурно-семантических признаков канонического пасхального жанра притчи получил художественную трансформацию в произведениях крупных писателей XIX века.

Предание «Христовая ночь» М.Е. Салтыков-Щедрин строит на интерпретации евангельского сюжета о воскресении Иисуса Христа (Мф. 28; Мк. 16; Лк. 24; Ин. 20–21). Размышляя над евангельской притчей, М.Е. Салтыков-Щедрин предсказывает социальную катастрофу как воплощение абсолютной справедливости.

К евангельскому сюжету Страстной пятницы обращается А.П. Чехов в своём лучшем рассказе «Студент». В самом центре произведения – повествование Ивана Великопольского о собы-

тиях, происходивших в Гефсиманском саду и во дворе первосвященника Анны (Мф. 26: 36–75; Мк. 14: 26–72; Лк. 22: 39–71; Ин. 18: 1–27).

Начиная с 80-х годов XIX века, к жанру пасхального рассказа обращались многие известные писатели: К.М. Станюкович, В.Г. Короленко, Л.Н. Толстой, Б.К. Зайцев, И.А. Бунин и другие. В этот период произошло окончательное формирование универсалий жанра. В сюжете исследуемого художественного вида непременно должны присутствовать духовное преображение героя, то есть уничтожение в себе «ветхого» человека, победа добра и любви над ненавистью и злобой, прощение своего обидчика, способность радоваться чужому счастью.

В начале XX века бурные политические потрясения в России не могли не сказаться на религиозно-нравственном состоянии общества. «В народе умножились случаи отпадения в секты, особенно опасным был стремительный рост баптистской общины. В среде городской бедности вполне обычным явлением стало отчуждение от церкви». Интеллигенция в последнем десятилетии XIX – первом десятилетии XX веков в основной массе своей разделяла антирелигиозные настроения: «противопоставление духовенства «обществу» стало одной из главных тем церковной и светской печати» [7, с. 322].

В этот период в литературе появляются произведения, модифицирующие только что установившийся жанр пасхального рассказа. Писатели Н.А. Лейкин, А.Т. Аверченко, Тэффи создают юмористические тексты, где, используя приёмы комического (комизм положений, фарс, пародию, градацию), показывают опошление праздничных ритуалов в обывательском быту, утрату высокого смысла Светлого Воскресения. Основная идея их произведений – утверждение высоких нравственных требований к человеку через осмеяние бездуховности, пошлости, мещанства.

В первые годы власти большевиков церковь «как бы вернулась к самым тёмным временам своего бытия» [7, с. 413]. Государство провозгласило необходимость атеистического воспитания молодого поколения. Развитие жанра пасхального рассказа в советской литературе в последующие годы приостанавливается из-за негативного отношения государственной власти к Церкви. В этот же период представители литературы русского зарубежья, считавшие себя прямыми наследниками классической русской литературы, продолжали оттачивать и сберегать эту форму.

Один из писателей русского зарубежья – М.П. Арцыбашев – переосмысливает евангельский сюжет в рассказе «Братья Аримафейские». Автор обращается к образу богатого и знатного человека, уважаемого члена иудейского высшего совета, тайного ученика Христа – Иосифа из города Аримафеи. В рассказе М.П. Арцыбашева он с братом Иаковом приходит к Пилату с просьбой отдать тело распятого Учителя для погребения.

Этот эпизод присутствует во всех Евангелиях (Мф. 27: 57-60; Мк. 15: 43-46; Лк. 23: 50-53; Ин. 19: 38).

Как пасхальный рассказ можно рассматривать главу «Пасха», входящую в повесть «Лето Господне» И.С. Шмелёва. Книга сложилась из рассказов И.С. Шмелёва его маленькому племяннику. Каждое лето семья жила на берегу Атлантического океана, в Капбретоне, здесь писатель и обращался к воспоминаниям о детстве. В повести вся Россия, по словам исследователя О.Н. Михайлова, предстаёт «в своей темпераментной широте, истовом спокойствии, в волшебном сочетании наивной серьёзности, строгого добродушия и лукавого юмора» [8, с. 20].

Произведение И.С. Шмелёва стоит в одном ряду с публицистической книгой Н.В. Гоголя, продолжая и развивая классические традиции. Писатель отмечает те же, что и у Н.В. Гоголя, чувства: радость, истовость, умиление и благоговение, охватившие русских людей в день празднования Пасхи.

В годы Великой Отечественной войны и в послевоенное десятилетие церкви были переполнены молящимися. В основном это были женщины, потерявшие близких, исстрадавшиеся от непомерно тяжёлой жизни, от многолетних духовных лишений. В конце 1960-х годов церковная жизнь стабилизировалась. Но начал сказываться острый недостаток в кадрах священнослужителей. Закрытие духовных школ не давало возможности восполнять естественную убыль духовенства.

Этот период нашёл отражение в публицистическом произведении А.И. Солженицына «Пасхальный крестный ход», написанном в первый день Пасхи 1966 года. Рассказ являет разительный контраст по сравнению с высокой патетикой публицистической книги Н.В. Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями».

Писатель – христианин А.И. Солженицын с болью констатирует, что служба превратилась в развлечение для скучающей молодёжи: «Девки в цветных платочках и спортивных брюках... А

парни – ...все почти в кепках, шапках... каждый четвёртый выпимши, каждый десятый пьян, каждый второй курит... вместо ладана – сизые клубы табачного дыма возносятся в электрическом свете от церковного двора к пасхальному небу в бурых неподвижных тучах» [9, с. 281].

Глумливому веселью и разнузданной удали любопытной молодёжи автор противопоставляет участников крестного хода. Церковный ктитор смотрит на фонарь со свечой, чтобы нести ровно, и в то же время опасается, «что строители нового общества сейчас сомнут их, бросятся бить...» [9, с. 283]. И несущие хоругви тоже боятся толпы.

Центр крестного хода – «десять поющих женщин с толстыми горящими свечами» [9, с. 283]. Они тверды в своей вере и готовы умереть за неё. Эти женщины торжественны, не замечают беснующейся молодёжи, они шествуют так, как будто «вокруг крестятся, молятся, каются, падают в поклоны» [9, с. 283]. Возникает аллюзия на жён-мироносиц, первыми возвестивших о Воскресении Иисуса Христа.

Писатель восхищается твёрдостью их веры, риторически восклицая: «Так начинается подлинный крестный ход!» [9, с. 284]. А.И. Солженицын первым в русской литературе XX века запечатлел то, что русские женщины стали истинными хранительницами веры. Мотив сбережения традиций православия в русском народе зазвучит позднее в произведениях других прозаиков: В.Г. Распутина, В.П. Астафьева, В.А. Закруткина.

Стойкость христианок оказывает воздействие на окружающих: «Что-то пробрало и зверят по обе стороны, притихли немного» [9, с. 284]. Антитеза является в этом тексте основной стилистической фигурой, выражающей авторскую позицию. Её усиливает использование высокой лексики и слов со сниженной эмоциональной окраской. Среди женщин, идущих крестным ходом, писатель особо выделяет двух девушек – ровесниц тех, что столпились вокруг, «но как очищены их лица, сколько светлости в них» [9, с. 284].

Учительский пафос пронизывает заключительные строки рассказа: «Крестный ход без молящихся! Крестный ход без крестящихся! Крестный ход в шапках, с папиросами, с транзисторами на груди...» [9, с. 284]. Автор оставляет финал повествования открытым, прямо высказывает свою нравственную позицию: «Что ж будет из этих рождённых и выращенных главных наших миллионов?» и провидчески утверждает: «Воистину: обернутся когда-нибудь и

растопчут нас всех! И тех, кто натравил их сюда – тоже растопчут» [9, с. 284].

Радикальные перемены в правовом статусе Русской православной церкви происходят лишь в 1990-е годы, когда была начата работа над законопроектом «О свободе совести и религиозных организациях». Шестая статья закона открывает юридическую возможность религиозного обучения детей. Так, по мысли Святейшего патриарха Алексия II, «Россия начинает труд и подвиг исцеления!..» [7, с. 657]. В современной русской прозе возрождается жанр пасхального рассказа, публикуются «Пасха» Н.А. Горловой, «Пасхальный рассказ со взрывом» Б.П. Екимова, «Кукуша» М.А. Кучерской. Выходит пасхальный роман «Чудо» Ю.Н. Арабова.

Пасха стала для православных верующих праздником, которое утверждает истину, волновавшую людей с языческих времён: смерть побеждается Воскресением. И победил её любящий Бог, который стал Человеком, добровольно принял смерть и воскрес из мёртвых.

Воскресение в русской духовной традиции понимается не как повторение природного цикла, а как переход (Пасха – евр. «прохождение», «избавление») в качественно иное измерение. Смерть преодолевается посредством духовного спасения.

Список литературы

1. Есаулов И.А. Пасхальность русской словесности. М.: Круг, 2004. 560 с.
2. Терещенко А.В. История культуры русского народа. М.: Эксмо, 2007. 729 с.
3. Хомяков А.С. Светлое Воскресенье: Повесть, заимствованная у Диккенса / Публ., вступ. и примеч. В.А. Кошелева // Москва. 1991. № 4. С. 81–105.
4. Гоголь Н.В. Собр. соч. в 7 т. Т. 6. Выбранные места из переписки с друзьями. М.: Худож. лит.-ра, 1967. С. 202–421.
5. Костомаров Н.И. Домашняя жизнь и нравы великорусского народа / Сост., предисл., примеч. С.Л. Николаева. М.: Экономика, 1993. 339 с.
6. Максимов С.В. Избранное / Сост., вступ. статья и примеч. С.И. Плеханова. М.: Сов. Россия, 1991. 560 с.
7. Цыпин В., прот. История Русской православной церкви: Синодальный и новейший периоды. 3-е изд., испр. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2007. 816 с.
8. Шмелёв И.С. Лето Господне / Предисл. О. Михайлова. М.: Мол. гвардия, 1991. 653 с.
9. Солженицын А.И. Рассказы. М.: Современник, 1989. 302 с.

EASTER STORY IN RUSSIAN LITERATURE*T.N. Kozina*

The article discusses the establishment of the genre of Easter story. It is conjectured that the origins of this type of story are in hymnography, parable, and liturgical drama. The main features of the genre canon are specified. Some literary texts are analyzed that promote the study of certain universals of this form of literature.

Keywords: Easter story, genre canons, liturgical forms, ethnographic research, spiritual transformation.